

ПАМЯТИ АНДРЕЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ЗДРАВОМЫСЛОВА (1928-2009)

*Виноградную косточку в теплую землю зарю,
и лозу поцелую, и спелые гроздья сорву,
и друзей созову, на любовь свое сердце настрою.
А иначе зачем на земле этой вечной живу?*

7 июля скоропостижно скончался выдающийся советский/российский социолог, доктор философских наук, профессор Андрей Григорьевич Здравомыслов, сыгравший одну из ключевых ролей в становлении и конституировании социологии в нашей стране. Его исследования охватывают широкий круг общетеоретических проблем, вопросы методологии и методики социологических исследований. Им внесен существенный вклад в разработку теории марксистской социологии и структурно-функционального анализа, в изучение интереса как социологической категории. Он – среди тех, кому принадлежит главная заслуга в анализе проблем трудовых отношений и образа жизни советских людей. В последние годы он многое сделал для познания природы социальных конфликтов, в том числе – межнациональных. По его книгам, учебникам выросло ни одно поколение российских социологов, он с честью представлял советскую/российскую науку на крупнейших международных социологических форумах. Всю жизнь он следовал высоким этическим принципам русской интеллигенции и всегда оставался верен духу шестидесятничества.

Смерть А. Г. Здравомыслова – серьезная потеря российской социологической науки, и с особой горечью его уход воспринимается социологами нашего города. Редационный совет журнала «Телескоп» приносит глубокие соболезнования нашей коллеге Елене Андреевне Здравомысловой, родным и близким Андрея Григорьевича, всем его друзьям, коллегам и ученикам.

Мы благодарим всех, кто откликнулся на это горькое событие. Особые благодарности Андрею Алексею, пригласившему нас ранее не публиковавшийся тест А. Г. Здравомыслова, и Владимира Ильина – разрешившего нам опубликовать его фотографию А. Г. Здравомыслова, сделанную у него дома.

А. Здравомыслов: О теоретическом плюрализме в социологии

...Андрей Григорьевич Здравомыслов прислал мне эти тезисы для конференции «Разномыслие в СССР и России. 1945-2008» (ЕУСПб, май 2009) с разрешением зачитать их на этой конференции, что было мною охотно исполнено. Думал ли кто тогда, что это будет его последний текст, произнесенный на научной конференции при жизни!

Одного из основоположников и выдающихся первопроходцев новейшей отечественной социологии не стало. При этом его научное наследие, хоть 1960-х, хоть 2000-х гг., удивительным образом не стареет.

*Светлая память Ученому, Человеку и Гражданину!
(Андрей Алексеев)*

...Рассмотрим теперь еще один метасюжет теоретической социологии. Речь идет о *теоретическом плюрализме*, который опровергается, например, М. Н. Руткевичем в полемике с В. А. Ядовым самым воинствующим образом. Конечно же, плюрализму противопоставляется *Монизм* как некий священный принцип. Очень часто констатация теоретического плюрализма даже в рамках социологии интерпретируется в духе "anything goes"¹.

1 Ядов В.А. Реплика уважаемому оппоненту // Социологический журнал. 1996. № 1/2.

Между тем, на мой взгляд, признание теоретического плюрализма в социологической теории есть, прежде всего, результат признания "многослойности" социальной реальности. Каждая из классических социологических макротеорий рассматривает свой срез действительности. Для XIX века характерен взгляд на классовую борьбу как движущую силу исторических изменений и преобразований, для XX века наиболее существенной представляется идея многополюсного конфликта и практики регулирования конфликтов с помощью демократических институтов.² В этой связи есть смысл обозначить основные источники плюрализма в социологической теории.

Во-первых, как сказано выше, это многослойность, точнее, мозаичность социальной реальности, связанная, в том числе и с тем, что каждое новое состояние общества сохраняет в себе так или иначе прежние свои состояния с их интересами³, ценностными установками, символическими рядами. Практически ежедневно приходится сталкиваться с многослойностью основного предмета социологических дискуссий – России в ее многообразных ипостасях. Важным следствием объективной многослойности выступает и *многозначность* социальной реальности – вычленение в ее составе и конструкции собственного смысла каждым действующим субъектом. Кстати, со времен М.Вебера социальность и социальное действова-

2 Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М., 1996.

3 "...различные ступени и интересы никогда не преодолеваются полностью, а лишь подчиняются побеждающему интересу, продолжая на протяжении веков влачить свое существование рядом с ними. Отсюда следует, что даже в рамках одной и той же нации индивиды, если даже отвлечься от имущественных отношений, проделывают совершенно различное развитие и что более ранний интерес... еще долго продолжает по традиции обладать властью..." / Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах: Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (1-ая глава "Немецкой идеологии") // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произведения: В 3 т. М., 1979. Т. 1. С. 65.

ние определяются именно через приписываемые смыслы и значения. Социальность нагружена смыслами, которые субъект воспринимает в качестве оснований действия. *Изменение социальной реальности, с этой точки зрения, есть изменение содержания смыслообразующих понятий. Например, нация как ограниченная (историческая) общность и нация как часть человечества.*

Во-вторых, это наличие социологических традиций в самом теоретическом мышлении, которые могли быть на определенных этапах взаимоисключающими, а стали взаимодополняющими. Так, две классические социологические формулы *«общественное бытие определяет общественное сознание»* (К. Маркс) и *«если люди воспринимают некоторую ситуацию в качестве реальной, то она будет реальной и по своим последствиям»* (В. Томас) представляются, на первый взгляд, взаимоисключающими. Однако попытаемся проанализировать их содержание более детально. Первая формула имеет в виду исторический взгляд на жизнь общества как некую целостность. Здесь вычленяется именно общественное (надиндивидуальное) бытие, не сводящееся к простой сумме индивидуальных историй и существований. Здесь выражен системный взгляд на социальность. Вторая формула имеет в виду конкретных индивидов, действия которых оказываются производными от оценки их собственной ситуации, от ее восприятия. Здесь сознание (оценка ситуации) порождает действие, влетающее в «бытие». Действование этих индивидов само представляет собою социальную реальность, но, кроме того, оно должно рассматриваться и как средство изменения ситуации и ее конструирования. В достаточно точной интерпретации этих формул заложена возможность доказательства ложности противопоставления объективистской и конструктивистской альтернатив, обозначенных А. Ф. Филипповым. Так, финансовый кризис 1998 г. – результат объективного разворачивания противоречий экономической системы или следствие действий, предпринятых правительственными кругами? По-видимому, рассуждения и в том, и в другом направлении не дадут адекватного понимания сложившейся ситуации, так как в этой ситуации переплетены весьма сложным образом и социальные интересы, и намерения отдельных лиц, незаметное накопление ошибок правительства В. Черномырдина и переход заданных границ финансового равновесия правительством В. Кириенко.

В-третьих, значение теоретического плюрализма проистекает из своеобразия связей тех или иных социологических теорий и направлений с комплексами гуманитарного мышления и из своеобразия вхождения социологии в сложившееся разделение труда в современном обществознании – ее отношения к экономической науке, демографии и статистике, к исторической науке с ее разнообразными мировоззренческими и политическими установками, ее связи с антропологией, культурологией, психологией в многообразии их собственных школ и направлений и т.д.

В-четвертых, этот теоретический плюрализм проистекает из многообразия интересов, стимулирующих социологический поиск, в том числе и из многообразия «партийных» точек зрения. Во всяком случае, российскому социологу приходится учитывать наличие противоположных политических ориентаций, сложившихся в обществе, и преодолеть их в своей исследовательской практике или, по меньшей мере, продемонстрировать стремление к преодолению узкопартийных взглядов, в сколь бы прогрессистскую и принципиальную идеологию они не облакались. В настоящее время это представляется условием самосохранения социологии как области научного знания, исследований, преподавания.

Прощай, Андрей

С Андреем Здравомысловым меня связывает шестидесятилетняя дружба, вначале студентами, а позже товарищами по социологической лаборатории ЛГУ и соавторами. Последняя наша книга – второе (без купюр) издание «Человек и его работа» с дополнением «... в СССР и после»⁴. Каждый комментировал раздел, в котором лидировал при подготовке первого издания. Надо сказать, что нам легко было соавторствовать, прекрасно понимали друг друга, равно владели и данными и аппаратом анализа. Было время, когда я уступал ему в английском (именно Андрей перевел учебник Гуда и Хата, по которому мы осваивали азы эмпирического исследования), но после стажировки в Англии мы сравнялись в English. На Международном конгрессе МСА в Эвиане мы первыми из советских были приняты в Исследовательский комитет (ИК) по социологии труда и поочередно избирались в состав его руководства. В начале 90-х оба мы начали интенсивно осваивать работы классиков и современных теоретиков социологии. Андрей стал членом ИК МСА по теории и истории социологии. В последние годы он полностью ушел в исторические изыскания, опубликовал солидные тексты, в которых стремился показать, каковы культурные особенности социологии в странах Европы и в России. Буквально на прошлой неделе я обращался к нему за справкой по этим сюжетам.

Мы разные по темпераменту, он скорее интроверт, я – определенно экстраверт. Моего друга отличала чрезвычайная скрупулезность в обращении с источниками, историческими фактами, чем сам похвастаться не могу. Тексты, что я ему посылал (равно как он мне свои) обычно пестрели пометками касательно имен, дат... Ни он, ни я не настаивали на собственной интерпретации чего бы то ни было, излагали свое мнение.

Уходит наша возрастная когорта. Прощай, Андрей.

Владимир Ядов

* * *

Каждая наша встреча была наполнена интересными беседами и профессиональными дискуссиями

Ушел из жизни один из отцов-основателей советской социологии. Андрей Григорьевич Здравомыслов был человеком светлым и жизнерадостным, и в то же время очень глубоким и серьезным. Он стал одним из первых моих учителей. Он увидел во мне что-то с самой первой встречи и сразу предложил стать сотрудником сектора методики и техники ИКСИ АН СССР, так тогда назывался единственный в стране институт социологии.

Ленинградская часть сектора практически не имела своего рабочего помещения, и поэтому мы собирались обычно дома у Андрея Григорьевича. Довольно часто наши встречи заканчивались тем, что наш шеф брал гитару и замечательно пел романсы. Особенно хороши были семейные дуэты, если его дочь оказывалась дома.

После переезда Андрея Григорьевича в Москву, естественно, наши встречи стали редкими, но каждая из них была наполнена интересными беседами и профессиональными – подчас весьма бурными и острыми – дискуссиями.

Последний раз мы виделись на симпозиуме «Пути России» в январе этого года. Андрей Григорьевич пообещал, если будет себя прилично чувствовать, приехать на четвертые чтения памяти Валерия Голофа, которые должны состояться в конце марта 2010 года. Но, увы... уже не придет...

Олег Божков

4 Здравомыслов А., Ядов В. Человек и его работа в СССР и после. 2-е изд., испр. и дополн. М.: Аспект Пресс, 2003.

* * *

Настоящий ученый, обществоиспытатель

Андрей Григорьевич Здравомыслов стоял у истоков Ленинградской школы российской социологии. Его труды, как первые с В.А. Ядовым, так и индивидуальные хорошо известны всем профессионалам.

Будучи настоящим ученым, обществоиспытателем, Андрей Григорьевич всегда, и в обыденной жизни, искал закономерности сущего. Инстинкт ученого-искателя проявился и тогда, когда он на моих глазах купался в холодном Японском море и пробовал неведомых нам челимов (такие морские крупные насекомые).

Только оправившись от болезни, мы надеялись – надолго, он подготовил выступление на III Всероссийском социологическом конгрессе (октябрь 2008 г.) и выступил на одной из секций. К сожалению, это была наша последняя встреча.

Вечная память, дорогой Андрей.

Яков Гилинский

* * *

Умер человек. Будет жить социолог...

7 июля, в утренней почте – электронное послание Владимира Ядова, одна строчка крупными буквами: «ЧАС НАЗАД УМЕР АНДРЕЙ ЗДРАВОМЫСЛОВ». Перечитываю много раз... пытаюсь понять ситуацию и свои чувства... мы знали друг друга сорок лет... Здравомыслов сделал меня социологом... Все – смертно, Андрей давно и тяжело болел, но не любил говорить на эту тему... сразу о том, что сделал, что делает, что думает сделать.

Наша продолжительная беседа трехлетней давности о его жизни-работе называлась: «Социология как жизненное кредо»⁵. Эти слова передают суть понимания Здравомысловым своего назначения, своей роли в российском/советском социологическом сообществе. Отражают они и его реальное место в нем. Для него социология не была лишь сферой деятельности. Он был озабочен трансформацией социального знания в управленческие, властные решения. Он чувствовал свою ответственность за нравственный климат в нашем цехе. Он старался передать свое понимание назначения социологии новым поколениям ученых... Его лекции всегда были интересными и содержательными, всегда озвученными внутренними диалогами. И вообще, диалогичность – антитеза монологу, нарративности – важнейшая характеристика научного стиля Здравомыслова.

Среди предков Здравомыслова были князья и дворяне, крестьяне, в том числе крепостные, военные, священнослужители и разночинцы – почти вся Россия, а редкая фамилия, подчеркивающая особенности мышления ее носителей, восходит к его прадеду, получившему ее после окончания Новгородской духовной академии. История его семьи, война и пережитые им физические тяготы, стремление понять устройство социального привели Здравомыслова на философский факультет ЛГУ; ранее Петербургский университет заканчивали его отец и дед. Оттепель определила его гражданское и научное кредо. Его слова: «Булат Окуджава имел для нас гораздо большее значение, чем Питирим Сорокин» – это, и ключ к пониманию его собственного движения в социологию, и указание на генезис современного – постхрущевского – этапа российской социологии.

5 А.Г. Здравомыслов: «Социология как жизненное кредо» (Интервью Б. Докторов с А. Здравомысловым) // Социологический журнал. 2006. № 3. С. 111–148. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/zdravomyslov_06b.html>.

В стихотворном поздравлении Здравомыслова Ядову, написанном в 2004 году, есть слова:

*Было время, было время
Всё понять и всё измерить.
Вникнуть разумом в пространство
Изменить несчастный мир,*

*Песню спеть про шарик в небе,
И про девочку, что плачет,
Оттого, что шарик этот
Шарик этот улетел!*

Ощущение себя частью русской интеллигенции обнаруживается в работах Здравомыслова, касающихся природы русскости и русского национального самосознания. Развивая релятивистскую концепцию нации, он трактовал русский народ как часть глобального человечества, а достижения России в областях искусства, литературы, науки как элемент всемирной культуры. Отсюда его резко негативное отношение к попыткам предложить «истинно» русскую социологию, базирующуюся на православию. Воспринявший принципы секулярной науки и традиции русской интеллигенции, Здравомыслов, по его словам, считал, что объяснение всего происходящего надо искать в мире людских отношений, но не проявлении высших сил⁶.

...окончился жизненный путь Андрея Здравомыслова, обеднело наше профессиональное братство, но сделанное социологом Андреем Здравомысловым остается с нами... навсегда...

Дорогой Андрей...Пусть земля тебе будет пухом!

Борис Докторов

* * *

Шестидесятник Андрей Здравомыслов

В обиход давно вошло понятие «шестидесятники». Разные люди вкладывают в него разные смыслы. Шестидесятники – это не просто люди, жившие в 1960-е гг. Таких были миллионы, но шестидесятниками, с моей точки зрения, можно назвать тот тонкий слой, который творил дрожжи эпохи, предшествовавшей застою. Это были романтики, мечтавшие о более гуманном и справедливом обществе, наивно верившие в настоящий социализм (их чешские современники называли его «социализмом с человеческим лицом»), в меру сил пыгавшиеся вдохнуть новую жизнь в свою страну и вынужденные постоянно оглядываться на власть, искать с ней компромиссы и выходить на размытую грань, за которой начинался бунт против системы, а шестидесятники превращались в диссидентов. Последние – это уже совершенно новый тип, часто выраставший из шестидесятников, утративших страх, а с ним и надежду на реальные реформы.

7 июля умер социолог Андрей Григорьевич Здравомыслов – очень заметная фигура поколения шестидесятников. Он был одним из тех, кто сделал «буржуазную науку» социологию реальностью советской жизни. Без таких как он нельзя представить современную российскую социологию, выросшую на плечах шестидесятников и во многом движимую и по сей день их энергией.

Мы с ним познакомились в самом начале 1990-х гг. Не знаю почему, но он оказал мне огромную моральную

6 Здравомыслов А.Г. : «Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит – надо искать объяснение в мире людских отношений» (Интервью Б. Докторов с А. Здравомысловым) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 5. С. 2-10 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1210866897380723file.pdf>.

поддержку, дав возможность поверить в свои силы. Потом мы изредка встречались. И я всегда воспринимал его как одного из своих немногих учителей. Нет, он не учил меня чему-то конкретному, я не могу считать себя его научным последователем. Он был примером того, как можно и нужно жить в науке. В начале 1990-х гг. я брал у него интервью для своего альманаха «Рубеж». Позже мы с женой были у него дома. Пили вино. И совсем в стиле шестидесятников он пел песни той ушедшей в историю эпохи, когда время говорило голосами бардов. Потом он был в гостях в нашей питерской квартире. И снова та же стилистика встречи: стол, гитара. А попутно я сделал с ним первую часть биографического интервью, в котором успели обсудить только его блокадное детство и начало профессиональной карьеры. Тогда же я снял его на память. Договаривались как-нибудь продолжить, но, как поется в песне, «Жизнь прошла, как не было. Не поговорили».

В последний раз мы с ним встретились в Высшей школе экономики в Москве в начале июня 2009 г. на заседании диссертационного совета. Обычный разговор мимоходом: как дела, как здоровье? Он мелко ответил на первый вопрос, перечислив последние работы. Я был впечатлен: в свои 82 он гораздо более продуктивен, чем большинство его коллег, которые на десятки лет младше его. На вопрос о здоровье ответил изящным уклоном. Но по голосу было видно, что ему уже тяжело. А лицо было грустное, задумчивое. Он будто смотрел на меня совсем с другой, неведомой мне перспективы. После заседания мы попрощались: «До встречи!» Я и не подумал, что речь шла уже о встрече в ином свете.

Владимир Ильин

* * *

Уходят отцы-основатели, уходят могикане

Мои глубочайшие соболезнования по поводу смерти Андрея Григорьевича всем – родным, друзьям, коллегам.

Я благодарна судьбе, которая в студенческие годы привела меня в первую в стране социологическую лабораторию в Меншиковском дворце – и свела с энтузиастами новой тогда для страны науки социологии. Благодаря энергии, увлеченности наукой и ряду гражданских качеств таких людей, как Андрей Григорьевич, в стране начала развиваться социология. Полстраны заразились новой страстью и готовностью служить молодой науке.

Андрей Григорьевич был одним из самых внимательных и уважительных коллег. Он трепетно относился к сотрудникам, с которыми работал, никогда не забывал их, оказывал на протяжении всей своей жизни разные знаки пиетета и внимания. Я не раз испытала его искренний интерес к себе и своим разработкам.

Я благодарна Андрею Григорьевичу за его персональное приглашение и возможность побывать на его восьмидесятилетии в мае 2008 года. Его юбилей был одним из светлых праздников в моей жизни – удивительная смесь камерности, академизма, открытости, комфортности. Тогда для меня открылось множество новых и чудесных его человеческих граней, понимание масштаба его деятельности.

В этом году в день его рождения мне удалось пообщаться с Андреем Григорьевичем, но уже по телефону – это были замечательные минуты общения, радости и грусти.

Уходят отцы-основатели, уходят могикане. Остаются примеры беззаветного служения идее, утверждают историей факты, порожденные этими вершителями перемен.

Галина Саганенко